

ТАТЬЯНА ЕРАСТОВА

Большой театр. - 1994. -

"Secret Forces" февраль. - с. 55.

"Силы потайные"

M. Musorgsky "Khovanschina"
Marfa - T. Erastova
М. Мусоргский "Хованщина"
Марфа - Т. Ерастова

Понятие "судьба" у актеров обострено. Они часто уповают на судьбу, сетуют на судьбу, кто-то жалуется на нее, кто-то наоборот благодарит. Но, по-моему, все верят в нее, даже если добиваются успеха сами, трудом, голосом, природой.

Большой театр тоже связан с понятием судьбы. Учась в Ленинградской консерватории, я вовсе не думала о Большом, мне не грезились эти стены, я не изматывала себя тайными желаниями и притязаниями во что бы то ни стало выйти на эту сцену. Я просто работала, занималась вокалом, училась "по-черному", осваивала технику, словом, делала все необходимое чтобы приобрести профессию. И лишь где-то в глубине души полагалась на судьбу. Куда поведет она - туда и пойду.

И вот они, эти "силы потайные", повели своими неожиданными ходами: на четвертом курсе меня замечает режиссер Эмиль Пасынков, да где? В партии Лисы, в опере М. Раухвергера "Красная шапочка". Замечает и берет в Малый оперный театр. Наступает время увлечения вокальными конкурсами, все куда-то едут, поют, решаюсь и я лететь в Барселону, но оказываюсь вдруг на Московском конкурсе имени М. Глинки. Незвестная, почти случайная девочка из Ленинграда, я уже бронзовый лауреат. О Большом по-прежнему не думаю - недосыгаем. Но тут опять какое-то судьбоносное ускорение - рождение сына, переезд в Москву, стажерская группа Большого и через сезон я уже его солистка.

Первые годы в Большом запомнились какой-то постоянной включенностью в работу, в творчество и в учебу. Да, опять в ту же учебу, и я поняла именно тут: вокалист учится всю жизнь. К счастью, наше

поколение (его можно назвать уже средним) начинало тогда, когда было у кого учиться. Поют Архипова и Образцова, Никитина и Авдеева.

Вскоре пришло осознание того, что на этой сцене нельзя петь просто так. То есть, конечно, надо всегда петь хорошо... Но здесь ты волей-неволей оказываешься в потоке традиций, и он может тебя выбросить на мель, а может нести, держать, питать, давать силы, профессиональную хватку, актерское самолюбие. Во мне Большого театр воспитал прежде всего характер - я так думаю. И может быть еще особое чувство хорошего азарта, состязательности. Искусство, понятно, не спорт, но и у актера возникает иногда необходимость перебороть обстоятельства, оказаться выше их.

В прошлом сезоне я стояла на афише "Бориса Годунова" в партии Марины Мнишек. Музыканты, особенно актрисы, знают что это за партия, как всегда ждешь ее, и как редко она выпадает. И так, я счастлива - пою Марину. Но вдруг - о, ужас! - опять "силы потайные", некому петь в этом спектакле царевича Федора. Мне предлагают отложить Марину до следующего раза и срочно выйти в другой роли. Федор - одна из моих первых партий, спеть ее для меня уже давно не составляет никаких проблем. Но как отдать Марину? Марину я тоже пела неоднократно - и в Сеуле, и в Милане в "Ла Скала", но все же, все же...

И вот я решаюсь на запрещенный, может быть, прием: пою в один вечер обе партии, благо они в разных картинах и есть двадцать минут, чтобы переодеться. Когда спектакль благополучно завершился, я сказала себе - наверное, это и есть профессионализм, воспитанный в Большом театре.

Я в основном занимаюсь русским репертуаром, а сейчас чувствую в себе потребность, тягу к Верди, к его сильным натурам - пророчицам и вещуньям. Спела Ульрику в "Бале-маскараде", готовлю Азучену в "Трубадуре". И вновь, как во времена консерваторские, полагаюсь на свои силы, но втайне призываю в союзники судьбу.